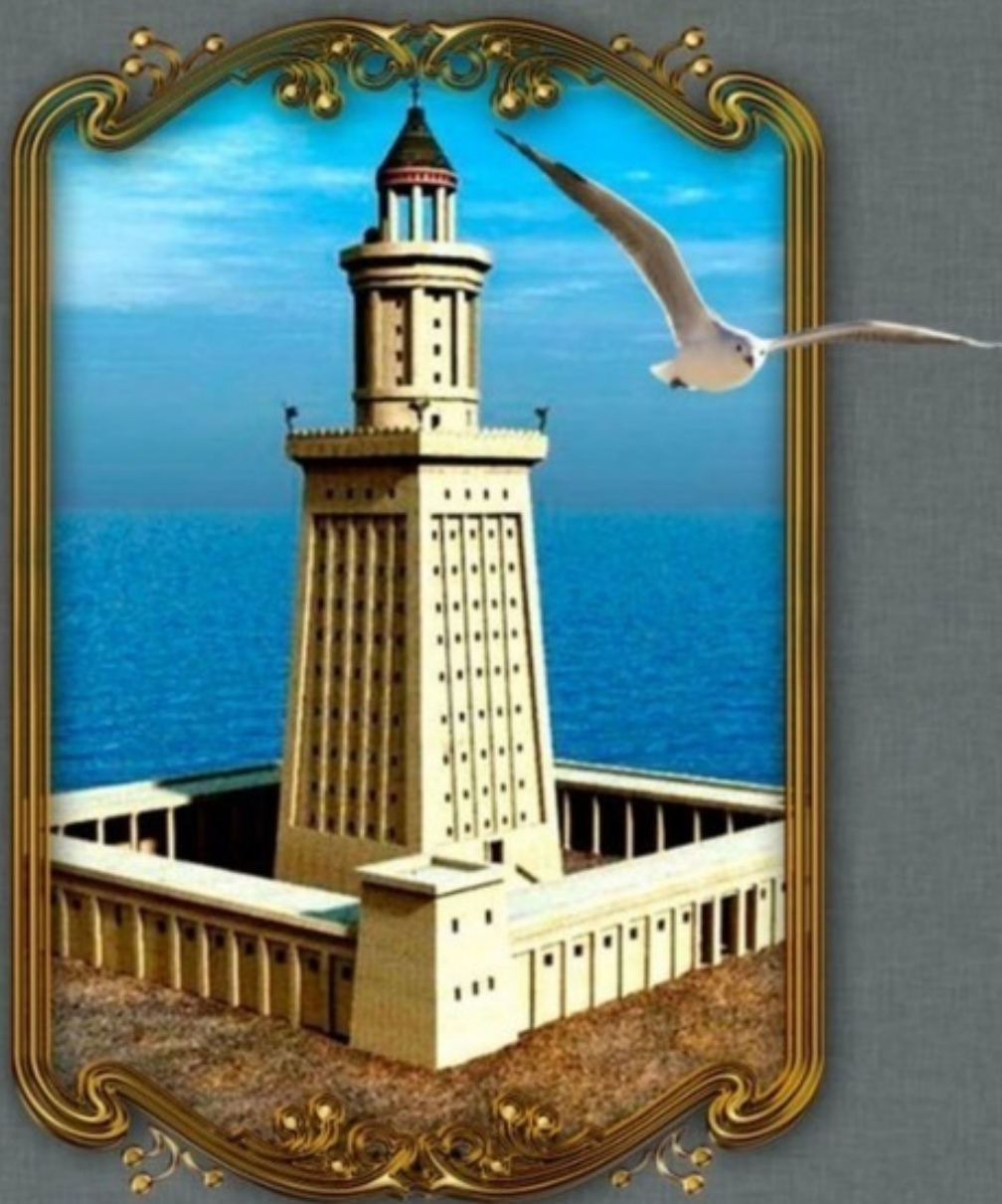

Виктор Заярский

Седьмое чудо
света

Виктор Заярский

Седьмое чудо света.
Морские рассказы.
Для детей и юношества

«Издательские решения»

Заярский В.

Седьмое чудо света. Морские рассказы. Для детей и юношества /
В. Заярский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508759-1

Эта книга рассказов о непоколебимом мужестве молодого героя, любителя морских странствий. Благодородство его души и завидная воля к жизни подкупают. Во время достижения своей намеченной цели мужество и упорство этого неискоренимого моряка-романтика, которые пропитаны солью морей и океанов, заставляют удивляться.

ISBN 978-5-00-508759-1

© Заярский В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Первая вахта	7
Птицы вернулись	11
Верный	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Седьмое чудо света Морские рассказы. Для детей и юношества

Виктор Заярский

Корректор Татьяна Дайнеко

© Виктор Заярский, 2019

ISBN 978-5-0050-8759-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Заярский, гор. Новороссийск

От автора

Я, Заярский Виктор Никитович, родился 11.11.1936 на КУБАНИ, в глухомани, на хуторе Верёвкин, Тбилисского района, Краснодарского края.

В 1963 году окончил Одесское Высшее инженерное морское училище, по специальности – инженер-механик. Всю свою жизнь был связан с морем. Морские просторы это моя с детства любимая стихия!

Более 20 лет работал механиком на танкерах заграничных плаваний.

В 80-тых годах прошлого столетия я издал в Краснодарском книжном издательстве две книжечки детских морских рассказов «Первая вахта» и книжку повестей для детей и юношества «Время покажет», в которую вошли две мои повести, объединённые темой нравственного выбора, поставленного перед молодым поколением эпохой 50—60 годов прошлого столетия. В такой же бескомпромиссной стилистической манере были написаны все мои морские рассказы, которые, только после того, как были в редакциях должным образом «причёрсаны», публиковались в московских журналах «Морской флот», «Юный натуралист», «Вокруг света», центральной, краевой и местной прессе.

В своей не лёгкой жизни я никогда не заискивал перед властью имущими и в угоду им ничего не писал, потому, что считаю такое занятие делом постыдным и не украшающим любого уважающего себя человека.

В настоящее время подготовил к изданию свой бескомпромиссный роман «Во имя отца и сына», который повествует о трагической судьбе Кубанского казачества в годы Великой смуты в 1917г. Этот сокращённый вариант вышеупомянутого романа, в 2019 году был опубликован в Супер издательстве (Санкт-Петербург), а его электронная и бумажная версия продаётся на российских книжных площадках RIDERO, OZON, ЛитРес и других.

Однако я не склонен обольщаться тем, что кто-то будет читать этот роман «Во имя отца и сына» и мои морские рассказы «СЕДЬМОЕ ЧУДО СВЕТА»! Сейчас, к нашему общему стыду и несчастью, правит бал и свирепствует страшнейший и опаснейший микроб бездуховности, а безмерная жажда обогащения заполонила некоторые совсем не русские души и перехлестнула через край допустимого! Вся эта оголтелая воровская чертовщина вокруг нас, наш русский народ, как видно, до хорошего не доведет! Мы все, как смиренная и покорная лошадь, плетёмся на коротком поводке у хитро-расчетливой «Западной культуры», которая, в конце концов, приведет нас к обрыву неминуемой гибельной пропасти!

*С уважением
Виктор Заярский*

Первая вахта

В июне 1967 года на Синайском полуострове вспыхнула четвёртая шестидневная арабо-израильская война, или так называемая война Судного дня. В связи с этим конфликтом Суэцкий канал был закрыт. Вот поэтому нашему танкеру «Севастополь» для того, чтобы доставить свой груз в Индийский порт Бомбей, пришлось огибать весь Африканский материк.

После успешного окончания Одесского Высшего инженерного морского училища меня направили четвёртым помощником капитана на танкер «Севастополь».

Мой первый заграничный рейс на танкере «Севастополь» начался тогда, когда в России была зима.

От порта Дакар суток десять подряд команду нашего танкера изматывала изнуряющая жара. А когда мы наконец очутились у южной оконечности Африки, у мыса Доброй Надежды, то на траверзе порта Кейптаун я сразу почувствовал морозное дыхание Антарктиды и, естественно, ощутил близость ревущих сороковых широт.

Терпкий запах моря всегда меня пьянит, околдовывает синевой и манит за свой загадочный синий горизонт в далёкие и бескрайние морские дали.

В это время я как четвёртый помощник капитана нёс вахту на капитанском мостике и наблюдал, как огромные вечные странники – острокрылые королевские альбатросы парили низко над водой Атлантического океана. Этот океан считается самым большим среди пяти океанов на нашей Земле. Королевские альбатросы тем временем заходили то справа, то слева, и с необыкновенной лёгкостью проносились у самого борта танкера, едва не касаясь своим мускулистыми крыльями его стальной обшивки. Эти королевские альбатросы считаются одними из самых крупных летающих птиц, а у каждого из них размах крыльев достигает рекордной величины – до четырёх метров, а иногда и более.

Королевский альбатрос – это очень большая и сильная птица. В день она может, без посадки на воду или на землю, свободно пролететь до тысячи километров. Скорость у этих вечных странников в полёте порой достигает ста километров в час. Безбрежная океанская гладь является для них родным домом. Эта птица способна неделями не видеть сушу и проводить всё время над морской волной. Живёт королевский альбатрос около шестидесяти лет и является удивительным однолюбом: он до конца своей жизни остаётся верным своей единственной подруге.

Когда южноафриканский порт Кейптаун быстро растаял за кормой танкера в морской сизоватой дымке и скрылся из виду, то уже непривычный, пронизывающий до костей холод, резко сменивший жару, начал всерьез нас морозить до самого острова Мадагаскар. Десятибалльный шторм принялся беспощадно трепать наш танкер с невероятной жестокостью. Танкер зарывался форштевнем в крутую волну и, вырываясь из морской пучины, вздрагивал, как от озноба.

Королевские альбатросы летели следом и ещё долго сопровождали нас.

И, как это бывает в длительных рейсах, стали одолевать меня чувство оторванности от дома, тоска по Родине, по родным и близким.

Вечером, после очередной четырехчасовой вахты на капитанском мостике, я спустился в свою каюту, вынул из своего альбома с семейными фотографиями пожелтевшую от времени грамоту, долго её рассматривал и не без грусти вспоминал...

...Как много лет назад, когда моя мама работала на танкере «Славгород» буфетчицей, а я учился в третьем классе, со мной произошла такая конфузная история.

Однажды зимой танкер «Славгород» возвратился из дальнего рейса в родной порт Новороссийск, и я вместе с дедушкой и бабушкой пришел встречать маму. К моей неопишуемой радости, капитан танкера Олег Александрович Голибиевский, несмотря на шестимесячный рейс, решил со мною пошутить. По его приказу боцман нарядил меня в полушубок, который оказался мне, естественно, велик не по годам, повязал нарукавную повязку и как дублера вахтенного матроса назначил дежурить у трапа-сходни, спущенного с борта танкера на причал.

– Во время несения вахты без пропуска, Серега, на борт танкера никого не пропускать! Ясно? – со всей строгостью и с определенной серьезностью на лице наказал боцман, а вахтенного матроса предупредил: – смотрите тут в оба.

– Ясно! – поспешил я ответить, гордясь порученным делом, и с особым рвением принялся за выполнение ответственного задания.

Исключительность столь серьёзного положения, в котором я оказался под присмотром малоразговорчивого вахтенного матроса, тревожила и занимала меня, как никогда раньше. Оставшись наедине с ледяным порывистым новороссийским ветром норд-остом, я маялся в ожидании посетителей, чтобы показать свою значимость.

Однако на борт танкера, как назло, в такую погоду никто не поднимался. Я с интересом рассматривал ржавую палубу, которую не раз опаляло тропическое солнце, а также трепали штормы и ураганы. Потом меня отвлек зарывавший брашпиль, при помощи которого матросы, в связи с усилением ветра, стали потуже натягивать стальные швартовые концы, чтобы не оторвало громадину танкер от причала.

В это время дедушка и бабушка, покидая танкер, подошли к трапу вместе с моей мамой.

– Небось, озяб, внучек? – спросила меня обеспокоенная бабушка.

– Еще чего! – грубовато ответил я и, приободрившись, с гонором добавил: – Мне, бабуля, в шубе так тепло, как у нас в хате на русской печке.

Дедушка поправил на моем рукаве повязку вахтенного матроса и на прощание с нарочитой серьезностью сказал:

– Нам, внучек, пора домой, а ты тут стереги свой корабль, да смотри никого постороннего не пропусти.

Я возмутился такому напутствию и рассмеялся.

– Тоже мне, «стереги»! – упрекнул я дедушку и тут же его поправил: – У трапа, дедуля, не стерегут, а несут вахту!

Моя мама проводила дедушку с бабушкой в город, до ближайшего автобуса, и возвратилась назад.

– А ну-ка, покажи свой пропуск? – остановил я её требовательным голосом, как подобает вахтенному матросу.

Озябшая мама растерянно пошарила в карманах пальто и виновато улыбнулась:

– Серёженька, а если у меня нет пропуска?

– Тогда не пропущу, вот и всё!

– Как же так, мне, родной маме, – и нельзя?

– Сказано – нельзя, значит, нельзя! Нужно соблюдать морской порядок! – очень строго ответил я.

Мама взмолилась:

– Серёженька, сыночек, я свой пропуск, видно, в каюте забыла.

Я был неумолим и стоял на своём.

– Вот не пущу тебя на танкер, тогда будешь знать, как забывать документы. У нас в школе если тетрадку забудешь, то посылают домой за родителями, – напомнил я, удивляя маму своим упрямством.

Мне, конечно, было жаль продрогшую маму, но что я мог поделать: приказ капитана есть приказ, и его нужно выполнять. И все-таки на какой-то момент я заколебался, но тут же представил, как появится капитан Олег Александрович и скажет: «Как же так, Краснокутский, получается? Для чего я тебя у трапа на дежурство поставил?»

Мама вдруг нажала кнопку, которая располагалась у трапа, и таким образом вызвала вахтенного помощника капитана, который тотчас подошел к трапу.

– Что случилось? – спросил он у меня.

– Без пропуска! – ответил я, кивая в сторону мамы.

– Где ваш пропуск, Валентина Николаевна? – спросил её вахтенный помощник со всей строгостью.

– Должно быть, в каюте на столе забыла.

– Нехорошо, Валентина Николаевна, такие документы нужно держать при себе, – улыбаясь, пожурил он её и приказал вахтенному матросу принести к трапу мамин пропуск и показать его дублёру вахтенного матроса Сергею Краснокутскому.

Вскоре тот возвратился и подал маме её документ. Она развернула его и предъявила мне.

Я поправил сползавшую на глаза шапку с огромным морским крабом, внимательно прочитал всё, что было в нём написано, и сказал:

– Вот теперь, мама, можешь пройти на свой танкер! И больше не забывай свой пропуск.

Вахтенный помощник с упреком посмотрел на мою маму, допустившую такую непростительную оплошность, а затем обратился ко мне и похвалил:

– Молодец, Серёга! Благодарю за образцовое несение вахты. Сегодня же непременно доложу капитану о твоём добросовестном несении службы.

К концу моей вахты совсем стемнело. Ледяной новороссийский ветер норд-ост усилился. Я уже начал чувствовать под шубой холод. И, чего греха таить, темнота пугала меня, но тут пришла мама, подхватила меня на руки и понесла меня в свою каюту.

На ужин в кают-компанию меня пригласил капитан танкера.

Когда я робко переступил порог, то услышал:

– Вот так нужно, товарищи командиры, нести вахту – как Сережа Краснокутский, – сказал капитан своим офицерам, которые сидели за столом. При этом он делал вид, что меня не замечает.

Соблюдая старые морские традиции, я попросил у него разрешения, прежде чем войти.

– Да, Серёжа, заходи и подойди ко мне поближе! – пригласил меня весёлым голосом капитан.

Все офицеры, с непонятной мне заинтересованностью, повернулись в мою сторону.

Капитан поднялся с места и одёрнул свою морскую куртку.

– Товарищи, да это ж наш сегодняшний герой Серёжа Краснокутский, о котором я вам только что рассказывал! – представил меня капитан и пригласил сесть рядом.

В это время я был на седьмом небе от счастья! Капитан взял в руки лист бумаги, который лежал перед ним на столе, и начал читать:

– За образцовое несение вахтенной службы и проявленную бдительность при несении служебных обязанностей 30 декабря сего года на борту танкера «Славгород» с 16.00 до 18.00 дублера-матроса Краснокутского Сергея награждаю грамотой Нептуна и от имени экипажа вручаю ему вафельный торт!

Все командиры зааплодировали мне. В это время судовой кок, войдя в кают-компанию, поставил передо мной огромный торт, на котором сверху было написано цветным кремом: «В честь 1-й вахты!»

Возвратясь к маме в каюту с тортом, я быстро развернул грамоту с бородатым Нептуном и обомлел. А на торте была сделана надпись кремом, которую мама прочитала вслух: «Бог морей и океанов Нептун благословляет будущего моряка Сергея».

Мама искренне обрадовалась и, глядя на мой торт, начала восторгаться и прицокивать языком:

– Вот это да!

Я тут же расщедрился, угостил её тортом и, конечно же, оставил дедушке и бабушке. Решил их тоже угостить, как только возвращусь домой.

В тот вечер я лежал на кровати под боком у своей мамы и долго не мог уснуть. Прислушивался, как завывает за толстыми стеклами иллюминаторов злющий ветер норд-ост, как бухают черноморские волны о борт танкера. Мучаясь угрызениями совести перед мамой, я решил извиниться за свой поступок у трапа. Поэтому не выдержал и повернулся к ней:

– Ты прости меня, мама, я не мог тогда поступить иначе, – прошептал я маме на ухо. – Сама понимаешь, вахта есть вахта, да еще морская, поэтому я не мог пропустить тебя без пропуска на танкер.

– Я всё понимаю, сынок, ты у меня теперь стал совсем как взрослый.

И только после этой исповеди я спокойно уснул крепким сном.

Моя мама давно уже на пенсии. Живёт она теперь вместе с дедушкой и бабушкой в Новороссийске, и они с нетерпением ждут меня из дальних рейсов.

А когда я смотрю на эту пожелтевшую грамоту, которую вручил мне много лет назад капитан танкера «Славгород», то мне кажется, что именно с той первой вахты и началась моя счастливая морская судьба.

Птицы вернулись

После окончания уроков я возвратился из школы к себе домой и сразу кинулся на балкон. А когда обнаружил свои птичьи клетки пустыми, бросил с горя в сторону портфель, заплакал навзрыд и долго не мог успокоиться.

Бабушка вышла ко мне из комнаты, глянула на мои пустые птичьи клетки и в изумлении ахнула. Потом она обхватила голову руками и, сокрушаясь, взмолилась:

– Это я, внучок, должно быть, наделала беды. Помню, покормила твоего Ворчуна и Белую Крапинку, а закрыть их клетки, наверное, забыла.

– Забыла... – упрекнул я бабушку и, пиная ногами пустые клетки, опять заплакал.

Бабушка всплеснула руками и начала, сокрушаясь, оправдываться:

– Дорогой ты мой внучек, не хотела я, пойми.

– Не хотела! – опять я упрекнул её, всё ещё не в состоянии успокоиться.

– Ну, не плачь, Сереженька, не плачь, внучек. Чего ж теперь... – взмолилась бабушка. – Вот скоро твоя мама возвратится домой на корабле из Италии и непременно новых птиц тебе привезёт. Не горюй, мой хороший.

Я закрылся в своей комнате и ещё долго не мог смириться с утратой.

Никакие бабушкины уговоры на меня не подействовали, когда я обнаружил свои птичьи клетки пустыми. Честно сказать, тяжело мне в тот день далось расставание со своими птицами, потому что я к ним привык и полюбил их.

Моя мама – морячка. В то время она работала буфетчицей на танкере дальнего плавания. Однажды ранней весной, после возвращения из заграничного рейса, мама привезла мне чёрного ворона, которого я назвал Ворчуном, и скворку, которую я тут же окрестил Белой Крапункой.

Мама подобрала этих птиц в Чёрном море, когда они, обессиленные после трудного перелёта, опустились передохнуть на палубу танкера. Мама отогрела их в своей каюте, вдоволь накормила, напоила, а потом, когда вернулась домой из плавания, отдала их мне и сказала: «Подкорми сынок, этих птиц и, как только они окрепнут, обязательно выпусти их на волю».

Мама мне долго рассказывала, что ранней весной все перелётные птицы после зимовки в тёплых странах спешат побыстрее добраться до своих родных гнездовий. И тут на их пути, сразу за скалистыми турецкими берегами, встаёт трудно преодолимая преграда – огромное

Чёрное море. Но птиц, которые устремились домой, уже ничем не остановить: ни ветром, ни снегом, ни дождём, ни морозом.

Ранней весной моих будущих питомцев Белую Крапинку и Ворчуна, как только они оторвались от турецких берегов, встретил сильный холодный ветер и снежный заряд вперемежку с дождем. Мама говорила, что в такую штормовую погоду многим птицам, обессиленным длительным перелётом, далеко не улететь. Более выносливые из них набирали высоту над грозным и опасным Чёрным морем и упорно продолжали свой тяжёлый путь к себе на родину. А слабых птиц жестокий ветер прижимал к свинцовой воде, и они стаями гибли среди разбушевавшихся морских волн.

Скворца и ворона от явной гибели спасла палуба маминого танкера, который случайно встретился на их пути.

– Российские моряки, – говорила мама, – такой уж народ, сынок, они всегда готовы помочь всем слабым и беззащитным.

За месяц я как следует подкормил Ворчуна и Белую крапинку, но на волю выпускать воздержался и стал обучать разным словам. Ворчун и Белая Крапинка оказались удивительно понятливыми, и мне стало жаль расставаться с этими забавными птицами. Ворчун в учёбе удивлял меня своими успехами, а Белая Крапинка немного от него отставала. Тогда я завёл тетрадь и стал каждый день проставлять каждому из них оценки за успеваемость.

Перед началом занятий я показывал своим воспитанникам их любимое лакомство – например, заранее приготовленного дождевого червя или ещё что-либо вкусенькое и говорил:

– Ну-ка, повторяйте за мной: «Привет, Сережа!»

Ворчун быстро усвоил это выражение и первым выкрикивал его, торопясь склевать честно заработанное лакомство.

Тогда я наставлял нерасторопную скворку и говорил ей:

– Вот видишь, Белая Крапинка, тебе никогда не достанется лакомство, если ты будешь такой несмелой и медлительной.

Обжора Ворчун, хитровато глядя на зазевавшуюся Белую Крапинку, каждый раз торопился с ответом.

Тогда я жестом руки его приостанавливал и просил:

– Помолчи, Ворчун, – и тут же советовал Белой Крапинке повторить следом за мной: – «Привет, Сережа!».

– Пр-р-и-ет, Сер-рёжа! – спешил опередить её невыдержанный Ворчун, торопясь заполучить очередную порцию лакомства.

– Ну и нахал же ты, Ворчун! Посмотри на свой клюв, какой он у тебя грязный, – стыдил я неряху ворона. – Не успел одного червя проглотить, как за следующим лезешь!

– Нахал! Нахал! – вдруг мне на удивление начинала верещать Белая Крапинка и торопливо склёвывала червя, которого я ей подсовывал.

В это время ненасытный и ревнивый Ворчун сердился на Белую Крапинку. Он всячески пытался своим грозным клювом отпугнуть скворку подальше от меня.

С большим трудом я пережил осень и длинную зиму. Наконец-то наступила очередная долгожданная весна. После её наступления я томился и не находил себе места в ожидании возвращения своих говорливых любимцев. Я почему-то надеялся, что мои любимцы этой ранней весной должны обязательно возвратиться ко мне назад.

Частенько по вечерам я выходил на балкон и, напрягая слух и зрение, всматривался в бездонное небо.

Однако мне приходилось улавливать только досадный шорох пожелтых листьев на земле, а высоко над землёй я слышал грустную переключку журавлей, которые после зимовки за морем, в тёплых краях спешили к местам своих постоянных гнездовых. Мне становилось обидно, что Белая Крапинка и Ворчун никак не возвращались.

В середине весны я заметил, что из-за Чёрного моря потянулись к родным берегам совсем измученные перелётом огромные стаи птиц. Некоторые стаи подолгу кружили над моим приморским городом Новороссийском, но опускаться на землю не решались. Они с большим трудом набирали высоту над Маркотхским перевалом и летели дальше, вглубь России. Другие зависали над Колдун-горою и над Цемесской бухтой, похожей с высоты птичьего полета на огромную подкову, всё-таки садились на Малую землю передохнуть и подкрепиться чем-нибудь съестным. В Новороссийске, как это частенько бывает в зимнюю пору, хозяйничал свирепый ветер норд-ост. А последние холода ещё держали землю в цепких лапах и уступать весне свои права не собирались.

Однажды, когда за окном бушевал ветер, я возвратился из школы домой и, в расстроенных чувствах, присел за свой письменный стол. Потом размечтался, долго глядел в окно и думал: как там, в дальнем пятимесячном рейсе, чувствует себя моя мама на танкере среди грозных волн, в такую погоду? И тут я обратил внимание на телеантенну соседнего пятиэтажного дома, на которую присела небольшая стайка скворцов. Лететь им, беднягам, как видно, осталось ещё немало.

Возбуждённые скворцы то взлетали, то прыгали вокруг одного из сородичей, который сидел невозмутимо на своём месте. Мне показалось, что они бранили своего опрометчивого жоака и выказывали ему своим задиристым видом негодование за то, что привёл он их сюда, из теплых краев в такой холод. Оскорблённый жоак, видимо, сознавая свою оплошность, втянул голову в шею и молча сидел, нахохлившись, как будто не мог простить себя за то, что подвёл свою компанию.

Я не вытерпел, вышел на балкон и стал наблюдать за скворцами в морской бинокль, который подарила мне мама на день рождения. И вдруг увидел, как чёрный ворон, пролетающий над этой говорливой стаей, бесцеремонно опустился рядом, на занятую ими телеантенну. Большинство испуганных скворцов закричали и поднялись в воздух. Только один из них, как я понял, самый смелый, остался сидеть на месте, как ни в чём не бывало. Он, вроде бы извиняясь за негостеприимство своих сородичей, кивал ворону головой.

Я боялся оторвать взгляд от птиц, оставшихся сидеть на телеантенне. И почему-то решил, что среди этих птиц и мои беглецы вернулись, поэтому раскрыл балкон настежь и закричал:

– Эй, вы, Ворчун и Белая Крапинка, летите сюда, ко мне! Я вас вдоволь накормлю и согрею!

Но разве перекричишь такой ветер, как новороссийский норд-ост.

– Серёжа, – вдруг позвала меня бабушка из другой комнаты. Потом она подошла ко мне сзади и, глядя на меня поверх очков, строго приказала: – Ишь ты, размечтался. Сейчас же иди обедать, а потом садись за уроки!

Я наскоро поел и нехотя сел за письменный стол, но голова моя то и дело поворачивалась к балкону. И вдруг, не веря своим глазам, я увидел, как сизый ворон залетел на балкон и уселся напротив меня на подоконник. Он повертел головой по сторонам и выкрикнул:

– П-р-и-ет, Сер-рёжа!

– Ура-а! Ворчун вернулся! – закричал я от радости, подхватился с места и бросился к балконной двери.

Испуганная бабушка, которая сидела за швейной машинкой в другой комнате, даже со стула подскочила.

Рядом с Ворчуном на подоконнике я увидел вдруг появившуюся Белую Крапинку, которая стучала клювом в стекло и, как прежде, верещала:

– Кашки, кашки, кашки!

Я щедро рассыпал по балкону сохранившийся с осени птичий корм и начал упрекать своих любимцев:

– Как вам не стыдно было на целую зиму улетать от меня! Разве я вам что-то плохое сделал, глупенькие вы мои?

А Ворчун, как будто не чувствуя своей вины, привычно кивнул мне своею сизой головкой и заученно пробубнил:

– Пр-р-и-ет, Сер-рёжа! Пр-р-и-ет!

Я смотрел на своих любимцев со слезами на глазах и был неописуемо счастлив.

Почти целую неделю над городом бесился свирепый норд-ост, а над моим балконом стоял весёлый гомон собравшейся стаи скворцов и картавые покрикивания счастливого Ворчуна. Несколько раз я пытался заманить едой Белую Крапинку и Ворчуна в их старые клетки, но птицы никак не хотели туда идти. Да и понятно, они предпочли сытой неволе свободу.

Когда над Цемесской бухтой установилась непривычная тишина, я раскрыл балконные окна настежь. Белая Крапинка пропела мне свою прощальную песенку и улетела вместе с подвернувшейся стаей скворцов. – видимо, туда, где родилась. Вслед за Белой Крапинкой неохотно поднялся в небо и Ворчун.

А я стоял на балконе и со слезами на глазах провожал своих любимцев до тех пор, пока они не скрылись из виду.

Верный

Прежде чем уйти на своём танкере в очередной заграничный рейс, я долго ходил по одесскому Стараконному рынку с одним – единственным намерением: купить там себе породистого щенка. От липучих продавцов не было отбоя. Каждый из них, изошряясь в славословии, на все лады расхваливал своих питомцев и, с пеной у рта убеждал, что это как раз тот щенок, которого я ищу, поэтому от себя подолгу меня не отпускал.

Я прекрасно понимал, что у каждого продавца одна задача: как можно быстрее сбыть свой товар. Денег в кармане у меня – курсанта Одесского высшего инженерного морского училища, который в то время проходил плавательскую практику на танкере «Свердловск» в должности матроса второго класса, – было не густо. Вот поэтому мне пришлось выбирать себе желанного щенка в соответствии со своими весьма скромными финансовыми возможностями. К тому же медлить было никак нельзя. Время с каждой минутой подпирало. Дело в том, что через час мне необходимо было заступать на вахту. Я торопился добраться в порт, до нефтегавани, где стоял под погрузкой наш танкер. Делать было нечего – пришлось покупать себе того щенка, которого я приглядел, сообразуясь со своими деньгами, и тут же назвал его Верным.

На деньги, оставшиеся в кармане, вёз я своего Верного до нефтегавани в такси. Щенок скулил всю дорогу и успел не раз обмочить мой флотский бушлат и курсантскую фланелевую рубаху.

Поднявшись на борт танкера, я опустил испуганного Верного на палубу. Как увидели его подвернувшиеся члены нашего экипажа, так и ахнули.

– Где это ты, Серёга, отхватил такого волкодава? – хитровато улыбаясь, между прочим поинтересовался наш боцман Дибров Сергей Николаевич.

Щенок беспомощно тыкался своею мордой в носки моих ботинок и, несмотря на жаркую середину лета, весь дрожал, как от холода. Я понял, что колким подначкам наших судовых остряков конца не будет, поэтому быстренько взял Верного на руки и поспешил к средней надстройке, где находилась моя каюта.

Электрик Иванов Михаил Гаврилович, который направлялся к трапу и встретил меня со щенком на руках, даже присел от напускного удивления.

– Ай да Серега! Какого красавца отхватил! – сказал он нарочито громко и, с поддельным восторгом рассматривая моего щенка, прибавил: – Ну, ты даёшь!

А моторист Александр Тимофеевич Смирнов с самым серьёзным видом на лице обошёл вокруг меня, заглянул моему питомцу в пасть и прицокнул языком.

– Цены, дружище, твоему цуцику нет в хороший базарный день. Нет сомнения, что твой волкодав чем-то очень смахивает на дворнягу! – сказал он с откровенной издевательской насмешкой в голосе, кивнул на Верного и незамедлительно прибавил: – Не иначе, как смесь дворняги с носорогом.

Все присутствующие у трапа в ответ на эти шутки дружно засмеялись.

Мой дружок, матрос Лёшка Дронов, тоже не утерпел, потрепал щенка за холку и въедливо у меня поинтересовался:

– Наверное, ты, Серёга, не меньше полсотни рубликов отвалил за эту дворнягу? Угадал, а?

Электрик Александр Тимофеевич тронул Лёшку Дронова за плечо и заглянул ему в глаза.

– А ты думаешь, Лёха, что на Староконном одесском рынке бесплатно втюрили Серёге такую породистую собаченцию? – спросил он Лёшку Дронова и хитровато прибавил: – В Одессе, брат, умеют охмурять таких простачков, как наш Серёга!

Я молча сгрёб Верного под мышку, поднялся вверх по трапу и поспешил к себе в каюту.

Боцман Дибров Сергей Николаевич остановил меня на переходном мостике и потрогал Верного за морду.

– К сожалению, Серёга, дойной коровы у нас на танкере, нет. Так что придётся тебе своему псу сгущённое молоко в банках из судовой артелки таскать до тех пор, пока не подрастёт, – напомнил он мне, когда я стал уходить.

– Ничего, не объест! – ответил я Сергею Николаевичу и направился своей дорогой в сторону кормовой надстройки, где располагалась моя каюта.

Месяцев через шесть, в нелёгком для меня рейсе, когда наш танкер находился в Индийском океане, я невольно заметил, что Верный незаметно подрос и сразу же сделался любимцем всего экипажа танкера. В его породистости уже никто не сомневался. В моём подопечном, с широкой грудью и мощными лапами, стала чувствоваться породистость настоящей немецкой овчарки. Двигался он по палубе легко и стремительно. На морде обозначилось умное, пылкое выражение. Вот тут у нашего всеобщего любимца появилось странное и необъяснимое пристрастие к музыке.

Стоило электрику Александру Тимофеевичу Смирнову взять в руки баян и выйти с ним на верхнюю палубу, и мой обрадованный пёс, большой любитель музыки, тут же устремлялся следом и пристраивался рядом с ним.

Рейс у нас выдался на этот раз без заходов в советские порты, поэтому особенно ощутима была разлука с родными, близкими, и с Родиной. Шли мы тогда в японский порт Нагасаки для разгрузки нефти, которую приняли на борт танкера в Персидском заливе в крупном нефтеекспортном порту Мена-эль-Ахмади.

Через пятнадцать суток перехода наш танкер оставил позади Индийский океан. Этот океан является третьим по величине после Тихого и Атлантического. Наконец, мы благополучно вошли в Зондский пролив. Там стоял непривычный полнейший штиль. Однако одолевала невыносимая тропическая духота. За кормой, на западе, на самом краю Индийского океана, стал погружаться в воду оранжевый солнечный шар. На острова Борнео и Суматра, покрытые сплошной вечнозелёной тропической растительностью, незаметно опустился тёмно-синий тропический вечер, а спустя полчаса их смутные очертания совсем пропали из виду, проглоченные густою чернотой ночи.

Вскоре слева от танкера, над водой, в полнеба вырос сгусток ослепительных ночных огней Индонезийского города Джакарты. От непривычного убаюкивающего шуршания воды за бортом слегка кружилась голова и одолевала легкая дремота. На корме под тентом включили свет. Наш заядлый баянист Александр Тимофеевич сидел на скамейке в одних шортах, без рубашки, в ботинках на босу ногу и, положив щёку на баян, неторопливо, с грустью напевал:

– Над рекой туман, за рекой граница.

Песня мчится вдаль, только мне не спится.

Взгляд у баяниста задумчивый и отрешённый. Видимо, он уже мысленно находился в своём родном кубанском хуторе, где около клуба собрались после работы девчата и парни на танцы и просили его сыграть что-нибудь подходящее.

Александр Тимофеевич до самозабвения любил баян, но хорошо играть на нём за всю прожитую жизнь так и не научился. Чувствовалось, что музыка ему не давалась, хоть тресни. Наши ребята часто и беззлобно над ним подшучивали и говорили, что по части музыкального слуха ему не иначе, как слон на ухо наступил, но он не сердился и с баяном не расставался.

Рядом с заядлым баянистом на стальной, ещё не остывшей от тропической жары палубе сидел мой пёс Верный и усердно подвывал ему.

Боцман, проходивший мимо остановился рядом с баянистом и с его солистом. Наконец он не вытерпел и пошутил:

– Ну, началось, кто в лес, а кто по дрова!

На глазах у прилежного солиста Верного от умиления даже слёзы выступили из глаз. На ремённом, ладно подогнанном ошейнике у пса болталась призовая медаль, которую он уже в этом рейсе успел заслужить за прилежное исполнение одной из песен.

Эту медаль изготовил для Верного Степаненко Иван Константинович – это наш умелец, судовой токарь «золотые руки», как все его называют в нашей команде.

Когда Верный изо всех сил берёт самую высокую ноту, то вытягивает шею вверх. При этом шерсть у него на холке от усердного перенапряжения становится дыбом. Музыкальный слух у пса, как и у его аккомпаниатора, баяниста Смирнова, тоже никудышный, но любовь к пению не могут вытравить у него даже самые язвительные судовые насмешники. Если Верный начинает тянуть песню, то, как говорится, явно не в ту степь. Тогда Александр Тимофеевич сворачивает меха баяна и успокаивает своего напарника:

– Ничего, Верный, ещё немножко потренируемся, и пойдёт у нас с тобой любая песня как по маслу.

Терпеливые слушатели сидят рядом в шезлонгах тихо. Они стараются не мешать дуэту. Затем с напряжением всматриваются в непроницаемую черноту опустившейся тропической ночи, и каждый думает о своём насущном.

Когда приходит время, все идут в столовую на вечерний чай, после чая – кинофильм.

Верный обычно спит со мной в каюте, на коврик, у комингса порога. Этот стальной комингс предусмотрен для того, чтобы морская вода во время сильного шторма не смогла попасть в коридор, а затем проникнуть к жильцам и в каюты. Регулярно по утрам Верный поднимает меня на физзарядку. Станет у кровати на задние лапы, лизнёт меня в лоб своим шершавым языком и нудно скулит: «Дескать, хватит вылёживаться!»

Я вскакиваю с кровати и говорю ему:

– Ладно, уговорил, пошли!

Верный берёт в зубы с вечера приготовленный мною целлофановый кулек, в котором находятся вьетнамки и полотенце, и мы поднимаемся вместе с ним на верхнюю палубу, к бассейну для купания, где по утрам собираются и другие наши любители спорта.

Раньше Верный купался возле бассейна, у пожарного крана, который при помощи судового пожарного насоса находится под постоянным давлением морской воды, на случай возникновения непредвиденного пожара. Я каждый раз открывал этот кран для того, чтобы искупать своего пса.

Со временем наши ребята изготовили и установили рядом с купальным бассейном циркулярный душ, который запитывается забортной водой при помощи пожарного насоса. Таким образом, получился аппарат для принятия всеми желающими бесплатного лечебно – оздоровительного душа Шарко. Этот душ так называют в честь французского невропатолога и психиатра Жана Мартена Шарко.

Наш судовой врач одобрил затею наших народных умельцев насчёт этого циркулярного душа, который, кроме всего прочего, хорошо укрепляет нервную систему.

Особенно после ночной вахты приятно освежиться в нашем душе Шарко. Откроешь кран, через который подаётся морская вода к душе Шарко – и как секанут тебя со всех сторон игольчато-колкие струи воды, только держись! Минут десять извиваешься, как уж, под остро секущими струями воды. Тело становится красным, как панцирь у варёного рака. Перед сном этот душ – одно блаженство.

Утром в тропиках для бодрости и закалки тоже лучшей процедуры не придумаешь. Полюбил эти водные процедуры и Верный. Стоит только сказать ему: «Верный, марш в душ Шарко!» – как он тотчас с радостным визгом мчится к нашему самодельному устройству, закрывает глаза и с превеликим удовольствием лезет под бодрящие струи воды.

После купания Верный долго кружит по палубе и вытряхивает застрявшую воду из ушей и шерсти. Завтрак я подаю ему в жестяной консервной банке на корме, около кнехта. Из чужих рук он еду не берёт. А когда тропическое солнце начинает немилосердно жечь палубу, пёс Верный ложится на верхней палубе, в тень от спасательного мотобота, который укрыт брезентовым чехлом, и, блаженствуя, лежит там до обеда.

Понимает меня Верный с полуслова. Стоит мне дать ему чьи-либо ботинки и приказать: «Верный, неси хозяину!» – и, можете себе представить, Верный сначала тщательно обнюхает их, затем берёт в зубы и с удивительной сообразительностью несёт истинному хозяину. Выполняет он все мои команды безошибочно, чётко и с большим удовольствием. Следует так же сказать, что дрессировке мой пёс Верный поддавался легко и быстро, потому что оказался, на удивление всем насмешникам из нашей судовой команды, очень умным псом. Я был рад и нисколько не пожалел, что купил себе такую преданную собаку.

Во время стоянки нашего танкера в портах, у причалов, Верный исправно несёт вахту у судового трапа. При этом можно быть уверенным, что никто из посторонних лиц не сможет проникнуть на наш танкер незамеченным.

Любимым занятием у пса Верного было тушение окурков в судовой курилке. Кроме того, он мог безошибочно определить, в какой каюте пахнет сигаретным дымом. За это команда прозвала его бдительным Пожарником. Курить на танкере, который перевозит сырую нефть, бензин или другие взрывоопасные нефтепродукты, разрешается только в строго отведённом месте, то есть в судовой курилке. Когда наши ребята собираются там на перекур, Верный усаживается перед каким-нибудь курильщиком и, не сводя с него своих умных глаз, терпеливо ждёт, когда тот выбросит окурочек не в бадью с водой, а ему под ноги. Он с таким нетерпением ждёт этого момента, что из его раскрытой пасти начинает даже капать на палубу слюна.

У нас на танкере строго соблюдают правила пожарной безопасности, поэтому окурки в курилке выбрасывают только в специально предназначенную для этого бадью с водой. Однако, если рядом находился Верный, их нарочно бросают в угол курилки и командуют псу: – Верный, туши!

Тогда пёс незамедлительно кидается на окурочек, как кот на мышку, начинает лапами тушить его и рвать зубами до тех пор, пока тот не превратится в порошок.

Наш старпом, когда проводил инструктаж с членами экипажа по соблюдению правил противопожарной безопасности, всегда напоминал:

– На танкере, как на пороховой бочке, шутки с огнём плохи. Расслабляться курильщикам опасно, – и нравоучительно добавлял: – На этот счёт в мировой практике судоходства, из-за пренебрежительного отношения к огню, трагических последствий хоть отбавляй.

После проведения инструктажа старпом прикрепил Верному, как самоотверженному пожарнику, на ошейник медаль из алюминиевого сплава. На одной её стороне был выгравирован танкер, объятый пламенем, а на обратной стороне находилась надпись: «Верному – усердному Пожарнику!»

Как бы там ни было в мировой практике судоходства насчёт пожаров, о которых говорил старпом, а нарушители пожарной безопасности у нас в экипаже, хотя и редко, но водились. Вот поэтому комиссия во главе с капитаном частенько устраивала вечерний обход кают с целью обнаружения любителей покурить в постели, перед сном. При этом капитан всегда брал с собой моего пса Верного, и стоило капитану приказать: «Верный, ищи курильщиков!» – как тот безошибочно вёл его в ту каюту, где было накурено. Моторист Тимохин и по совместительству судовой сварщик за курение в своей каюте был дважды оштрафован и поэтому невзлюбил моего Пожарника.

Когда Тимохин производил мелкие сварочные работы на корме, Верный всегда крутился рядом. Однажды Тимохин возьми да и брось на палубу отрезок раскалённого электрода от сварки. Верный кинулся его тушить и сильно обжёг себе лапы и морду. За это капитан объявил Тимохину строгий выговор и незамедлительно списал его на берег в ближайшем российском порту.

После возвращения из Японии наш танкер опять загрузился сырой нефтью в одном из портов в Персидском заливе, и мы, суток через двадцать, доставили этот груз в итальянский порт Генуя.

Там, после обеда, ко мне в каюту заглянул незнакомый итальянец и представился работником нефтеналивного порта. Не успел он переступить порог, как сразу заявил:

– Даю вам полмиллиона лир за вашу собаку, – коверкая русские слова, начал он со мною торг насчёт покупки моего Верного.

Я сразу не понял, чего хочет гость, но он продолжал энергично жестикулировать руками и, как только мог, пытался объяснить мне суть дела.

– Я больше часа наблюдал за вашей собакой в курилке, – говорил он и, коверкая русские слова, добавил: – Здесь у вас, на танкере, такой пёс абсолютно без дела, а мне, как пожарнику, крайне необходима такая собака.

Когда до меня дошла его просьба, то я даже опешил и взмолился:

– Что вы! О продаже моего пса Верного не может быть и речи!

– Клянусь святой девой Марией, что на танкере твоя собака – это большая роскошь. К тому же я тебе предлагаю немалую сумму, – нервничая, не унимался торговец и совал мне кучу смятых денежных купюр.

Я, конечно же, был неумолим.

Незванный настырный гость, стараясь скрыть своё явное неудовольствие, хлопнул дверью и вышел. Больше я его на танкере, за время проведения грузовых операций, не видел.

Ещё задолго до прихода в итальянский порт Генуя для разгрузки сырой нефти, которая находилась на борту нашего танкера, любознательные члены экипажа уже знали, что самый знаменитый и уважаемый уроженец в городе Генуя – это мореплаватель Христофор Колумб. Он родился в 1451 году и с юношеских лет вынужден был подрабатывать, поэтому познакомился с морем и плавал на торговых судах. Возможно, что юнгой или другим нижним чином.

В нашей судовой курилке, которая располагалась на корме танкера, мы долго спорили, действительно ли мореплаватель Христофор Колумб генуэзского происхождения, так как нет убедительных сведений о месте рождения великого путешественника. В те времена не было ни паспортов, ни прописки.

Христофор Колумб – одна из самых загадочных личностей и эпохи Великих географических открытий, и вообще среди исторических личностей. Фактических материалов о его рождении, происхождении, образовании, профессиональной деятельности до первой экспедиции в Вест-Индию так немного, что это позволило биографам Христофора Колумба и историкам написать более сотни книг о нем, внося в свои сочинения массу отсебятины, догадок и непроверенных утверждений. Даже главный документ первой экспедиции в Новый Свет – подлин-

ник судового журнала не сохранился, что уж говорить о периоде, когда Христофор Колумб был еще, по сути, никем.

Поэтому история Колумба – это не только история сплошных загадок без отгадок, но и сплошных версий, предположений и сомнений. . . Сомнениям подвергается почти всё: дата и место рождения, происхождение и социальное положение, образование и сфера деятельности. Достаточно сказать, что на звание родины Христофора Колумба претендовали и до сих пор претендуют больше двух десятков городов в разных странах Европы.

Всё, что связано с именем этого легендарного мореплавателя, окутано завесой таинственности и мистики.

Однако большинство членов нашего экипажа заранее знали, что однажды во время аудиенции у испанской королевы Изабеллы Кастильской смелый и внешне красивый мореплаватель Христофор Колумб смог понравиться ей и убедить её оказать помощь в реализации основного дела своей жизни – экономически выгодной экспедиции на Запад в поисках пути в Индию и Китай.

На тот момент испанская королева Изабелла Кастильская была ещё молода, энергична и агрессивна, потому что лихорадочно строила своё новое государство. Вот поэтому она активно искала новые источники доходов. Достаточно сказать, что королеве Изабелле пришлось истратить на подготовку первой экспедиции Христофора Колумба, в пересчёте на золото, десять килограммов драгоценного жёлтого металла. Тогда она заложила все свои драгоценности, лишь бы снарядить рискованную экспедицию в поисках пути в Индию и Китай.

Христофор Колумб был безмерно рад, что открыл для европейцев новый континент, который в спешке назвал Америкой. Это немаловажное событие в настоящее время празднуют в Америке и в Европе. В США этот праздник называют День Колумба, на Багамах – День открытия, в Испании – День нации.

По иронии судьбы, Америку, где теперь пышно отмечается день Колумба, знаменитый генуэзец и в глаза не видел. Эта историческая версия вполне удобна для американцев, чтобы ежегодно поднимать бокал вина за здоровье отважного мореплавателя.

На основании известных нам фактов можно сказать, что Колумб никаким первооткрывателем Америки не был. Норвежские мореплаватели побывали в Новом Свете задолго до Колумба.

Однако справедливости ради нужно заметить, что убедительное название «Америка» континент получил тогда, когда другой итальянский путешественник и торговец, уроженец города Флоренция, Америго Веспуччи в XVI веке побывал у берегов Южной Америки. Уже в то время он пришел к мысли, что земля, которую в своё время открыл Колумб, – не Азия, а неизвестная обширная территория.

Благодарные генуэзцы ещё в те далёкие времена поспешили построить домик в своём любимом городе Генуя, в котором якобы родился великий мореплаватель Христофор Колумб. Этот домик, к всеобщему огорчению, никому из нашей команды посетить так и не удалось, потому что стоянка нашего танкера, под разгрузочными операциями на нефтепричале в порту Генуя была очень короткой.

Но мне вместе с группой товарищей благодаря заботам нашего любознательного первого помощника капитана танкера посчастливилось посетить прославленное на весь мир генуэзское кладбище Кампо-Санто или, как его итальянцы ещё называют, Стальено, которое было открыто в Генуе в 1851 году. Это кладбище не только в Италии, но и во всём мире славится своим амфитеатром на склонах холма и непрерывной чередой монументальных зданий и маленьких вечнозелёных деревьев, таких как мирты, лавры и олеандры.

Во время экскурсии нас сопровождал весьма начитанный итальянский русскоговорящий гид, который сообщил, что в период античности на территории нынешнего города Генуя распо-

лагалась всего лишь крохотная греческая колония. Это подтверждают найденные здесь остатки греческих захоронений.

Одним из крупнейших портов Средиземноморья Генуя стала только в X веке.

Над кладбищем Кампо-Санто, которое расположено на зеленом склоне холма, возвышается Часовня Заступничества.

Кладбище Кампо-Санто – это настоящий музей под открытым небом, поскольку его могилы украшают выдающиеся скульптуры, и знаменито оно своей богатой галереей скульптур из каррарского мрамора.

Это кладбище не уступает по красоте знаменитому кладбищу Пер-Лашез в Париже и Реколета в Буэнос-Айресе.

Кладбище Стальено – тихий и печальный мирок, полный памятников, решеток, оград и ангелов, простирающих крылья в небо...

Это место навевало мне необычайную печаль, заставляло думать о том, насколько наша жизнь коротка, и как много необходимо сделать для того, чтобы память о нас жила и после смерти.

В связи с посещением знаменитого кладбища Кампо-Санто стоит заметить, что там находится и могила нашего русского соотечественника – Федора Андриановича Полетаева, который участвовал в Итальянском партизанском отряде Сопrotивления и героически сражался с немцами. Погиб он в бою с фашистами в местечке Канталупо, провинция Лигурия. Похоронен наш бесстрашный герой в Генуе, вдали от своей горячо любимой Родины, на кладбище Кампо-Санто.

Когда наша экскурсионная группа подошла к заботливо ухоженной могиле Федора Андриановича, все сняли головные уборы, поклонились праху нашего соотечественника и стали внимательно слушать итальянского экскурсовода.

Родился Федор Андрианович 14 мая 1909 года в деревне Катино на Рязанщине, где работал в колхозной кузнице.

В начале Великой Отечественной войны, после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, Федор Андрианович Полетаев ушел на фронт, там его направили в 9-ю стрелковую дивизию. А уже летом 1942 года на Дону советский красноармеец, гвардии рядовой Федор Андрианович Полетаев, попал в немецкий плен. Потом побывал он в Европе в нескольких фашистских лагерях для военнопленных. В 1944 году вместе с другими смельчаками ему удалось совершить дерзкий побег из позорного фашистского плена.

А когда Федор Андрианович по воле судьбы оказался в северной части Италии, в провинции Лигурия, которая располагалась на побережье Генуэзского залива, в районе Лигурийского моря, он присоединился к одному из партизанских отрядов итальянского Сопrotивления.

В то время итальянский город Генуя был одним из центров партизанского движения в провинции Лигурия, на Апеннинах. Эти горы простираются в основном вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова, более чем на 1000 км с севера на юг страны.

Там, в Италии, в годы Второй мировой войны против немецких оккупантов сражались несколько бригад итальянского Сопrotивления. Более пяти тысяч наших соотечественников из тогдашнего Советского Союза, которые бежали из фашистских концлагерей, тоже участвовали в итальянском партизанском движении сопротивления фашистам.

Вскоре Федор Андрианович стал рядовым бойцом итальянской бригады Сопrotивления «Орест». Итальянцы переименовали его фамилию на свой лад и стали называть его Фёдор Поэтан. Человеком он был дисциплинированным, исполнительным, от природы очень сильным, смелым и удивительно хладнокровным русским солдатом, который быстро завоевал любовь и глубокое уважение итальянских партизан.

Вначале 1945 года немцы решили покончить с лигурийскими партизанами, которые доставляли им много неприятностей. Они предприняли широкую карательную операцию. Близ

городка Канталупо разыгрался бой, очень важный для судьбы всех партизанских соединений, расположенных в этом районе.

Партизанские отряды под натиском фашистов, с боями отходили всё глубже и глубже в горы. Гитлеровцы, которые их преследовали, сжигали на своём пути итальянские деревни, зверски расправлялись с мирным населением.

В провинцию Лигурию гитлеровцы стянули много своих войск. Они старались взять в кольцо основные силы итальянских партизан в долине Балле Скривия и намеревались их уничтожить. Положение партизан оказалось безнадёжным. Жестокий бой, который разыгрался 2 февраля 1945 года у маленького городка Канталупо, был очень важным и в значительной степени решил позорный исход всей карательной экспедиции врага в этом районе. На рассвете колонна немецких грузовиков с солдатами на борту въехала в долину Балле Скривия и остановилась около моста, переброшенного через ущелье. Спешившись, отряд немцев, которых было более ста человек, с автоматами наперевес двинулся по дороге к городку Канталупо. Враг был вовремя замечен, и партизаны, которые находились в ущелье гор, поднялись по тревоге. В район Канталупо был послан отряд «Нино Франки», среди бойцов которого был и Фёдор Андрианович Полетаев. Партизаны преградили дорогу немцам. Около полудня на дороге, у окраины Канталупо, завязался долгий и ожесточённый, кровопролитный бой.

Решительный натиск нескольких десятков патриотов заставил карателей, имеющих значительное превосходство в силе и технике, перейти к обороне. Они залегли за поворотом заснеженной дороги, неподалёку в сарае, в ожидании подкрепления. Изгиб дороги и глубокий снег дали им возможность занять прочную позицию и прицельно отстреливаться. Попытки партизан приблизиться к окопавшимся фашистам оказывались тщетными потому, что огонь противника был слишком плотным. Партизаны понимали, что времени терять нельзя, к врагу может скоро подойти помощь.

Вот тогда впереди партизан, которые распластались на снегу, поднялась во весь рост могучая фигура бесстрашного русского солдата Фёдора Андриановича Полетаева. В несколько прыжков он оказался у поворота дороги, за которым залегли гитлеровцы и начал ожесточённо строчить из своего автомата. Потом он громким и властным голосом приказал оробевшим гитлеровцам, чтобы они сдавались в плен живыми, пока не поздно. Это дерзкое заявление смутило фашистов и привело их в замешательство. Им показалось, что их атакуют большие свежие силы партизан. Только тогда они прекратили огонь, побросали своё боевое оружие и один за другим стали вставать с земли и покорно поднимать руки вверх. Но один фашист нажал на курок своего автомата и разрядил обойму. Фашистская пуля сразила Фёдора Андриановича наповал, и он замертво упал на снег. Партизаны, воодушевлённые его смелостью, бросились вслед за ним в атаку и сломили сопротивление ненавистного врага. В итоге этого боя оказалось больше двадцати убитых и около пятидесяти пленных гитлеровцев. Эта победа досталась итальянским партизанам ценой жизни лишь одного бесстрашного русского солдата – Фёдора Андриановича Полетаева.

В 1947 году Фёдор Андрианович посмертно награжден Золотой медалью Сопrotивления – высшей военной наградой Италии. Каждый генерал в Италии обязан был первым отдавать честь человеку, награжденному Золотой медалью Сопrotивления. Фёдор Полетаев – единственный иностранец, удостоенный этой награды. Другой его итальянской наградой была бронзовая пятиконечная звезда – знак бойца Гарибальдийской партизанской бригады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.